

С тайной нерешённого хваду¹ в котомке, я брёл, как почтовая лошадь, от одного ночлега к другому, пока не пришёл в храм Пёгунса в уезде С. Едва приоткрылась дверь гостевой, в нос ударил резкий запах сочжу². Помешкав на пороге, я неохотно бросил: «Доброго здравия. Примите странника» — и вошёл.

В комнате, привалившись к стене, сидел сухой, как щепка, монах лет тридцати и наливал себе сочжу. Я снял с плеча котомку, положил её в угол и сел, но и тогда он не оторвал глаз от стопки в своей руке и не взглянул в мою сторону. В его позе читалось полное пренебрежение ко всему, ему и дела не было до какого-то странствующего монаха. Меня кольнула досада.

¹ Хваду — короткое повествование, содержащее некий парадокс. Через решение хваду, полученного от наставника, ученик постигает суть учения и может прийти к просветлению.

² Сочжу — традиционный корейский алкогольный напиток, рисовая водка.

— Бардак, — язвительно буркнул я, преисполненный глубокого презрения, и резко поднялся.

— Весь мир — бардак, — пробормотал он себе под нос, наконец удостоив меня взглядом. Его вытянутое тощее лицо было землисто-бледным, как старая бумага, глаза глубоко запали в тёмные глазницы. Судя по виду, онпил не просыхая и, похоже, был из «пропащих» — так называют опустившихся монахов.

— Мир — бардак, говорите? — холодно отозвался я, взявшись за ляжку котомки. — Не потому ли мы следуем Пути? Чтобы навести порядок в мире, надо сначала очиститься самому, очистить общество...

Он досадливо отмахнулся — мол, хватит! — и посмотрел на меня. Его взгляд оказался неожиданно глубоким и свежим, в нём сквозила какая-то неизъяснимая печаль и вместе с тем угадывалось обилие пережитого. Я стоял в нерешительности, сжимая в руке ляжку своей котомки.

— Очиститься самому, очистить общество... Сделать этот мир землёй Будды. Не это ли высочайшая цель монахов вроде нас с тобой?

Прервавшись, он опрокинул в себя стопку сочжу, которую держал в руке. Потом снова взял бутылку. Стопка наполнилась лишь наполовину — в бутылке больше не осталось ни капли. Сморгнув лоб, он со стуком опустил её на стол.

— Всё верно. Ты говоришь исключительно правильные вещи. Вижу, тебе противно смотреть, как монах напивается? Брось! Пьющему — да будет позволено пить!

МАНДАЛА

Он полностью перешёл на «ты». Забавно, но его фамильярность меня не задела — даже наоборот, во мне пробудилось какое-то необъяснимое любопытство. В том, как невозмутимо — если не сказать вызывающе, — этот человек напивался среди бела дня, было нечто, не позволявшее презирать его единственно за то, что он «пропащий».

— Горе-монах Чисан, то есть «знающий горы», — представился он. — Тридцать один год.

Я бесшумно сел и ответил:

— Моё имя Побун, мне двадцать четыре.

Он встряхнул стопку, осушил её и поёжился.

— Знаю ли я горы? Разве это возможно? Знаешь горы — знаешь и жизнь, ведь так? Горы — это тайна. Вечная тайна... Может, потому я и живу в горах. Неведение сродни счастью.

Он оказался неожиданно словоохотлив.

— В этом смысле моё имя слишком ко многому обязывает. Я даже об этом напитке в моём стакане ничего толком не знаю. Что уж говорить о жизни... А ты, значит, Побун — «облако Дхармы¹»... Хорошее имя. У каждого должно быть имя, которое ему к лицу... Взгляни на меня. Разве это человеческое лицо? Скорее уж рожа голодного демона, алчущего вина... О-о, Владыка Всевидящий!²

Он потряс головой, будто жалея, что напрасно заговорил о своём имени.

¹ Дхарма — учение Будды, порядок мироздания.

² Обращение к бодхисаттве Авалокитешваре, который считается воплощением бесконечного сострадания.

КИМ СОНДОН

В это время послушник принёс ужин. Еды было на одного. Я собирался было попросить его принести ещё одну тарелку, но Чисан махнул рукой:

— Не надо. Это твоя доля, Побун.

— А вы не трапезничаете?

— Вино — вот моя трапеза. Как прихватит — долго не отпускает. Вот такие дела. Эй, малой! — обратился он послушнику — пареньку лет четырнадцати.

— Чего вам? — сердито огрызнулся тот. В его голосе звучало нескрываемое презрение: мол, какой ты монах — напиваешься среди бела дня. На такое надменное обращение Чисан и глазом не моргнул, его лицо оставалось спокойным.

— Позови-ка настоятеля.

— Ладно. Фу, ну и запах...

Злобно покосившись на Чисана, послушник вышел. Чисан привалился к стене и закрыл глаза.

Когда я закончил трапезу, вернулся послушник с настоятелем.

— Ах, так у нас гость!

Я поднялся, сложил ладони и согнулся в поклоне.

— Да, вот проходил мимо... Позвольте поприветствовать вас.

Я собирался сделать земной поклон, но настоятель жестом меня остановил.

— Э, не стоит. Давайте-ка просто сядем и поглядим друг на друга — для приветствия довольно. Вы откуда?

— Из монастыря Хеинса — я провёл там сезон дождей.

МАНДАЛА

— Ученик?

— Я был в затворе.

— Ах, так вы монах! Ну а куда путь держите?

— Просто странствую.

— Странствуете, значит... Это хорошо. Идти налегке, с одной котомкой за плечом, вслед за облаками, за ручьями... Завидую я вам, странникам.

— Коли так завидуешь, отец-настоятель, котомку за плечи — и вперёд. Подай прошение об отставке, — вставил Чисан.

Настоятель на секунду сдвинул брови, но тут же как-то чрезмерно великодушно рассмеялся.

— Хо-хо-хо! Так ведь мы монастырские клерки, на нас хозяйство держится. Разве можно всё бросить и уйти куда заблагорассудится? Мы же охраняем храмовое имущество, оберегаем покой учёных монахов. Так и создается благо... Хо-хо.

— Отец-настоятель, не дашь ли ещё подкрепиться? — спросил его Чисан.

Улыбка с лица настоятеля сразу исчезла.

— Прекращай ты это дело, а, Чисан. Из-за тебя меня вот-вот выгонят. Люди ропщут.

— Выгонят, говоришь? Ну так и славно. Сам же сказал, что хочешь странствовать — вслед за ветром, за облаками. Чего ждать? Идём сейчас. Я покажу тебе путь. Это самое малое, что может сделать для тебя брат в Дхарме, которого ты кормил и поил.

— Опять ты за своё... Чего ты хочешь?

— Как будто сам не знаешь.

— Посмотри на себя... Тебе надо о здоровье подумать. Который уже день это продолжается?

КИМ СОНДОН

Чисан скривил губы и как-то чудно улыбнулся.

— Если тебя так заботит моё здоровье, купил бы мне мяса. Напоил бы целебным отваром.

По лицу настоятеля скользнула тень замешательства.

— Нет, вы только послушайте этого горе-монаха!

— А что? Тебе денег жалко? Ну тогда принеси ещё выпивки. А отвары свои пей сам. Вон потому и превратился в стокилограммового борова.

— Ну ладно, ладно. Сейчас принесу. Только ты уж поосторожней. Тем более при госте...

Укоризненно поцокав языком, настоятель вышел.

Немного погодя послушник принёс две бутылки сочжу.

Чисан придвинул блюдце с маринованным острым перцем и налил себе рисовую водку.

— Выпей и ты, Побун.

Я отказался, боясь нарушить обет. Он больше не предлагал.

— Так вы с настоятелем братья в Дхарме?

— Ну да. Выходит, что так. Ещё мальчишками вместе проходили послушание.

— Где?

— В монастыре Судокса.

— А, в Судокса. Это ведь там жила монахиня Ирёп?¹

¹ Ким Ирёп (1896–1971) — корейская писательница, журналист, борец за женские права, ставшая буддийской монахиней.

МАНДАЛА

— Она жила в скиту за монастырём.

— Я читал одну её книгу, ещё до монастыря.

«Сжигая юность».

— Это ты после той книги решил податься в монахи?

— Не совсем...

— Всё это ерунда. У меня вообще не было такой юности, которую можно было бы сжечь.

— Зачем себя этим истязать?

— Это не самоистязание, а жалость к себе.

Возле зала Дхармы загудел колокол. Первое «боммм» вибрировало долго и гулко, затем удары зазвучали чаще, тише, пока наконец не остался только шум ветра. С ветром долетали слова молитвы:

Мун-чон-сон-бон-нэ-дан

Чи-хе-чан-по-ри-сен

И-чи-ок-чуть-сам-ге

Вон-сон-бул-до-чун-сен

Слушая колокол, да избавишься ты от страданий

Да отверзнутся тебе двери светлой мудрости.

Вырвись из тройственного мира сансары,

Стань буддой и спаси страдающих существ.

Я достал из котомки касу¹ и перебросил через плечо.

— Вы не идёте на церемонию?

¹ Каса — часть одежды буддийских монахов, тога красного или коричневого цвета.

Чисан не ответил. Он величественно восседал в позе лотоса, приковав взгляд к стопке с сочжу. Было непонятно, услышал он мой вопрос или нет. Я шагнул к двери.

— Побун, ты куда? — вдруг окликнул меня Чисан.

— В храм.

— Для чего?

— На службу.

— Зачем тебе на службу?

Держась за дверную ручку, я обернулся. Он сидел в той же позе. У меня вырвался смешок.

— Ну вы даёте... Я ведь тоже хочу стать буддой.

— И что, сейчас в храме, куда ты направляешься, тебя ждёт сам Будда?

Я промолчал.

— На что это, по-твоему, похоже? — спросил Чисан, поднеся стопку ко лбу.

Я не ответил. Я думал, что он просто пьян.

— Ты, должно быть, видишь стакан. А вот я вижу Будду... То-то и оно. Вот в чём отличие Просветлённого от простых смертных. Твой Будда находится в храме, а мой — в этой комнате, в этом стакане. Почтение просветлённому бодхисаттве-сочжу.

Он поднёс стопку к губам и вылил содержимое в рот.

У меня исподволь задрожала рука — дверная ручка задребезжала. «Почтение просветлённому бодхисаттве-сочжу...» Прибавить к священному слову название этого гнусного напитка да ещё

МАНДАЛА

и выказывать ему почтение... Какое непростительное святотатство! Подумав так, я тотчас же забормотал про себя мантру покаяния: «Ом сальба мотча мочки садая сабаха — обретаю прибежище во всех буддах и бодхисаттвах¹. Ом сальба мотча мочки садая сабаха. Ом сальба мотча мочки садая сабаха».

На трясущихся ногах я вошёл в храм и трижды пал ниц, простираясь у Его ног. Потом поднял голову и устремил взгляд на Его лицо. Он лучезарно улыбался. О, эта улыбка! Эта изумительная, непостижимая тысячелетняя улыбка... Должно быть, она объясняет все восемьдесят четыре тысячи законов Дхармы, только я не могу понять ни слова. Коря себя за невежество и маловерие, я уронил голову.

Когда я вернулся из храма в гостевую, Чисан по-прежнему прикладывался к бутылке. Он сидел теперь по пояс голый — снял с себя даже майку.

Он был тощий. Пожалуй, даже искуснейшему мяснику, при всех стараниях, не хватило бы мастерства, чтобы отделить от его костей хоть толику плоти. Но это иссохшее тело, вопреки всему, обладало чарующей силой. В нём не осталось ни грамма лишней плоти — лишь горсть костей и самый минимум мышц для поддержания жизни. И тем не менее оно казалось безмерно прекрасным. Отчего? Не оттого ли, что прекрасен был обитавший в нём дух?

¹ Бодхисатва — просветлённое существо, будущий будда.

Невероятно... Ещё недавно меня трясло от кощунственных слов Чисана, а сейчас я любовался его донельзя иссохшей оболочкой...

— Гитара при себе, — улыбнулся я, указывая на торчавшие под кожей рёбра.

Он засмеялся в ответ — как видно, над самим собой.

— Это верно. Гитара есть, сейчас и спою... У меня неплохо получается. И на гитаре бренчать умею. Дворовые псы так и носятся за мной по пятам. Всё ждут, что брошу им кость... Хе-хе-хе. А ты, я гляжу, в хорошем теле.

Я промолчал.

— С какой стати мне быть упитанным? Монаху не пристало разъедаться. Решил сделаться настоящим аскетом — не станешь отращивать пузо.

Так значит, если положить все силы на то, чтобы испытать жизнь и превратить её в нечто прекрасное, если ради этого страдать — остаётся волей-неволей высохнуть как тростник? Я почувствовал себя пристыжённым: хотя я вовсе не был в хорошем теле, но рядом с Чисаном выглядел сытым. Однако его смех, прозвучавший как насмешка, меня задел.

— Песню давайте в другой раз. А сейчас я хочу узнать причину — почему вы пьёте. Почему монах пьёт...

Он странно скривил губы и усмехнулся.

— Не думал, что ты так плоско мыслишь. Нет никакой причины. В этом бренном мире ничто не имеет причины — всё просто существует. Су-

МАНДАЛА

ществование... Существование, брошенное нам, как кость... Чужой рукой... Хотя, по правде говоря, причина есть. Только вот поймёшь ли ты, если я тебе расскажу?

Его слова меня уязвили.

— У вас большое самомнение. Мне тоже пришлось побороться. Шесть лет, целых шесть лет...

— Порой куда лучше страдать самомнением, чем скромностью. По крайней мере самомнение не так опасно: за ним не скроешь порока. Это слова какого-то художника. Довольно ловко подмечено. Хе-хе-хе. Ну и чего ты добился? Шесть лет — немалый срок. Сиддхартха после шестилетних мытарств стал буддой. А чего в итоге добился ты в своей борьбе?

На меня остриями кинжалов были устремлены его глаза. Я онемел. Что я мог ответить? В чём заключалась суть моих отчаянных шестилетних поисков? Я пожертвовал юностью, корчившейся от мучительной жажды, — что такого я ожидал обрести взамен?

...Я подошёл к колодцу, где начиналась дорожка к флигелю, плеснул в разгорячённое лицо холодной воды и немного пришёл в чувства. Потом снова бросил ведро в колодец. Тогда-то это и случилось. Вдруг словно что-то ударило меня в затылок.

Как бы это описать? Это было нечто вроде яркой вспышки озарения, острым резцом вонзившегося в мозг; что-то вроде электрического разряда: точно я схватился мокрой рукой за голый

провод и меня ударило током так, что всё моё тело сковало и затрясло. От этого мощного удара в затылок я, не выпуская из рук верёвки с ведром, невольно оглянулся и посмотрел по сторонам.

Однако вокруг не оказалось ничего необычного. В саду, в окружении пологих холмов, поросших густым ультрамариновым лесом, буйно цвели цветы; тут и там, будто изнывая от скуки, лежали камни самых причудливых форм; под льющимся с неба солнечным светом ухоженная лужайка сверкала, точно блестящая чешуя, — в этот весенний день в усадьбе царил покой.

И всё же что-то было не так. Я помотал головой и услышал, как внутри затрясся мозг; в висках лопило. Я выгасил ведро. Сидя на корточках, плеснул в лицо воды. Сознание сразу прояснилось. Я поднялся и пошёл к дому, собираясь вернуться в свою комнату. Но стоило сделать несколько шагов, как меня снова поразил тот необъяснимый удар в затылок.

Когда я оглянулся, в глаза неожиданно бросился диковинный камень. Это был один из десятков камней, свезённых сюда с самых известных гор страны. Их собирал мой двоюродный дед, отдавая за своё увлечение огромные деньги. Провалившийся на выборах, выброшенный из властных структур, дед, в довершение ко всему, на старости лет заболел раком; ухаживая за садом и камнями, он врачевал тоску от тщеты бытия. Особую любовь, буквально страсть, дед питал к камням. По утрам и вечерам он выносил

МАНДАЛА

своё немощное тело в сад и, поливая камни, радовался, как ребёнок, убеждая всех, что они растут. После его смерти обязанность поливать камни перешла ко мне. Но в том возрасте уход за садом с камнями и прочие буржуазные развлечения не приводили меня в восторг; я относился к этой работе с формальностью, исключавшей всякую любовь.

Тот причудливый камень походил на человеческую фигуру. Именно он был очагом энергии. Влекомый какой-то неведомой силой, я подошёл к нему.

И вдруг я чуть не вскрикнул. То, что я принял за камень, оказалось живым человеком! Это был старый буддийский монах с бритой головой, в пепельно-сером одеянии.

Он сидел в сени раскидистой глицинии, под водопадом её обильных цветущих стеблей, в безупречной позе: с выпрямленной спиной и сложенными у живота руками; взгляд его был опущен — судя по всему, монах пребывал в глубокой медитации. Старик застыл, словно вековая скала, незыблемо стоящая на месте и в дождь, и в ветер, и оттого он в самом деле казался одним из камней.

Объятый мистическим трепетом, я не мог оторвать от него замороженного взгляда. Первый раз в этом мире я встретил такое прекрасное лицо. Я впервые открыл для себя, что мужские черты могут быть даже пленительнее женских.

Его тонкое лицо было светло и прозрачно, точно крылья стрекозы, опустившейся поздней осе-